

Старый, небольшой дом стоял в тихом районе. Это был "Бугюдо", магазин антиквариата и подержанных вещей, которым управлял Сино.

Вокруг него располагались дома разных размеров, дизайна и возраста - от величественных старинных особняков, которые, по слухам, существовали еще со времен войны, до недавно построенных малоэтажных многоквартирных домов, а также множество небольших магазинов.

В городе царила спокойная и расслабленная атмосфера, и было видно, что он изменился и повзрослел за долгое время.

Масамити попрощался с квартирой, в которой прожил целый год, сел на поезд до своего "нового дома", Бугюдо, и достал из своего любимого квадратного плоского рюкзака кольцо для ключей.

С предыдущего вечера к связке ключей Масамити, в которой лежали ключи от входной двери дома его родителей и фермерского сарая, добавился новый ключ. Это был ключ, который Сино дал ему от входной двери Бугюдо.

Это был большой латунный ключ. Такие он видел только в сказках. Его конструкция была настолько проста, что можно было бы усомниться, достаточно ли его для предотвращения сегодняшних преступлений, но Сино уверенно сказал: "Ключ - это просто украшение".

Когда Масамити умирал, он едва мог говорить, но Сино смог точно различить его голос, который был слабее, чем дыхание, и нормально с ним поговорить.

Похоже, слух призрака был превосходным. Если это так, то они могли обнаружить грабителя быстрее, чем любая система безопасности.

Тусклый темно-золотой ключ имел множество мелких царапин на поверхности, что говорило о том, что им пользовались много лет.

Масамити осторожно вставил длинный ключ в замочную скважину двери Бугюдо.

Он повернул его с большим усилием, чем требовалось бы для современного ключа, и услышал, как тяжелый замок повернулся.

Когда он открыл незапертую дверь, раздался звонкий звук. С внутренней стороны двери висели два чугунных щипца Намбу, которые с размаху ударились друг о друга, когда дверь открывалась и закрывалась.

Несмотря на середину дня, большая глинобитная комната была тускло освещена, и солнечный свет проникал в нее через два маленьких окошка, прорезанных в стене, создавая иллюзию ангельской лестницы.

— Я дома, — сказал Масамити, ступив в узкий проход в центре помещения с глинобитным полом.

По обеим сторонам прохода различные товары были сложены так плотно, что даже стройные плечи Масамити задевали их, когда он входил внутрь.

Можно было бы сказать, что товары были изысканно сбалансированы, но удивительно, что они не рухнули. Скорее всего, они просто накопились со временем, когда предметы беспорядочно расставляли то тут, то там.

Когда Масамити впервые увидел это, он подумал, что это ему что-то напоминает, и наконец понял, что именно.

Это было похоже на то, как Моисей расколол море своим посохом, который Масамити показывали в соседней церкви, когда он был ребенком.

А еще это похоже на... Что это было за место в префектуре Тояма? Стена снега вдоль альпийской трассы Татеяма-Куробэ. Я никогда там не был, но это похоже на ту стену, которую я вижу в новостях каждый год.

Высота отвесной снежной стены контрастировала с проезжающими мимо экскурсионными автобусами, и от этой мысли на нежной щеке Масамити появилась маленькая ямочка.

Люди часто говорили, что у Масамити детское лицо, возможно, из-за нежной округлости щек и того, что у него никогда не было ни одного прыщика, даже в подростковом возрасте.

— Господин Сино... то есть Сино?

Из дома не доносилось ни звука, и Масамити снова обратился к Сино, еще не привыкнув обращаться к нему не так официально, но ответа по-прежнему не было.

— Может, его еще нет дома?

Осторожно, стараясь не натолкнуться на разбросанные тут и там вещи, Масамити спустился в проход и, спотыкаясь, подошел к чайной комнате, которая была на ступеньку выше остальных.

Он мог бы подняться в чайную комнату по короткой лестнице: она находилась в углу грязной комнаты, за столом, где стоял кассовый аппарат. Но Масамити показалось забавным, как Сино ходит туда-сюда прямо из прохода, и он захотел подражать ему.

К сожалению, из-за разницы в длине ног Масамити не мог подниматься и спускаться так же плавно, как Сино. Тем не менее, этот поступок вызвал у него веселые воспоминания о

школьных годах, когда он забирался на сцену актового зала, не используя ступеньки.

Масамити снова позвал Сино из незанятой чайной комнаты, но ответа не последовало.

— Наверное, он все таки еще не вернулся.

Низкий столик и толстые подушки выглядели привлекательно, но если он сейчас сядет, то наверняка прорастет корнями и не сможет подняться на ноги.

— Сейчас Сино здесь нет, а значит, можно шуметь. Тогда...

Масамити понял, что сейчас самое время прибраться в этой пыльной комнате, и посмотрел на бумажный пакет, лежащий у его ног. Он был полон чистящих средств, которые он использовал ранее в квартире.

— Опять вы, ребята, не спите, — сказал он своим запасам, в основном подбадривая себя, пока прикрывал нос и рот полотенцем, которое достал из рюкзака.

Как только он вошел в дом, у него зачесался нос, а в горле появилось раздражение. Его личное пространство было похоже на его замок, и, по крайней мере, там должна быть обстановка, не вызывающая аллергических реакций.

— Ладно, приступим к делу.

Он подхватил бумажный пакет, энергично... ну, осторожно, встал и поднялся по лестнице в свою комнату.

В таком маленьком доме стиральную машину следовало бы поставить в ванной. За дверью кухни стоял простой сарай, внутри которого находились стиральная машина и сушилка. За ним находилась небольшая бетонная площадка для стирки и кран, вероятно, потому, что это место было прачечной с тех давних времен, когда у них не было стиральных машин.

Масамити аккуратно сложил выстиранные простыни и различные покрывала, расправил складки, положил их в сушилку и удовлетворенно вздохнул.

Его комната была в основном убрана.

Поскольку сушилки для футонов не нашлось, Масамити повесил плед и подушки сушиться на перила у окна. Матрас он положил на окно, чтобы он был на свежем воздухе. Он слышал, что его нельзя бить, но чувствовал, что внутри может накопиться что-то нехорошее, поэтому, ни к кому не обращаясь, сказал:

— Только один раз! — и ударил по нему футоновой колотушкой, чтобы избавиться от пыли.

Масамити решил отказаться от ковра и выбросить его, так как он превратился в пыль, свернул его и вынес за порог дома.

Циновка татами, появившаяся из-под ковра, пожелтела от солнца, но, к счастью, не заплесневела. После уборки пылесосом и протирания влажной тряпкой татами стал похож на циновку в его старой квартире - слабо пахнущий, но вполне пригодный для жизни.

Поскольку Сино разрешил ему пользоваться мебелью в комнате, Масамити решил оставить все как есть.

Обстановка комнаты напоминала ему о покойной бабушке. Масамити протер каждый предмет мебели и сложил старые пакеты с камфорой и другие вещи в мешки для мусора.

Шкаф был почти пуст, но ящики туалетного столика все еще были целы, в них лежала косметика и прочие мелочи.

Однако он не думал, что когда-нибудь будет пользоваться зеркалом в полной мере, поэтому решил хотя бы на время оставить часы и другие мелкие предметы на большом пространстве перед ним, а также справочники и рабочие тетради, которые он принес с собой.

И еще... Ах да, в этой комнате нет стола и стула для занятий.

С этими мыслями Масамити вернулся в главный дом из прачечной и остановился посреди чайной комнаты.

Он машинально положил учебники по вступительным экзаменам на тумбу, но еще не решил, будет ли сдавать экзамен в третий раз.

Он не отказывался от своей мечты поступить в университет и изучать лучшие сельскохозяйственные продукты, чтобы помочь ферме отца и деда.

Но, дважды провалив вступительные экзамены в колледж, Масамити, естественно, задумался, не предназначен ли он для высшего образования.

Родители давали ему один и тот же совет. Они сказали: "Подумай хорошенько о своем будущем и реши сам".

Вероятно, они пытались мягко подтолкнуть Масамити, который был еще очень неопытен в познании мира, к тому, чтобы стать самостоятельным мужчиной.

Если вспомнить, то папа и дедушка не ожидали, что я продолжу семейное хозяйство, отчасти потому, что я был болезненным ребенком. Поэтому я хотел хотя бы поработать в сельском хозяйстве, и они оба были очень довольны этой идеей...

Вспоминая улыбки отца и деда, когда он сказал, что хочет изучать сельское хозяйство, Масамити не хотел отказываться от своей мечты.

Но он также подумал, что если все его усилия окажутся напрасными, то лучше отказаться раньше, чем позже.

Впервые после провала на вступительных экзаменах в университет Масамити получил возможность спокойно обдумать все эти вопросы, поэтому он сел за низкий столик и простонал.

— Что же мне делать?

Естественно, никто ему не ответил.

За те три дня, что он спал, на его смартфон пришло электронное письмо. Оно пришло из подготовительной школы, где он сдавал пробный экзамен, и предлагало специальную цену на их курс.

Масамити не знал, как школа узнала о его провале, ведь он ничего им не говорил.

Это немного нервировало, и хотя он не собирался идти на их курс, эти совершенно незнакомые люди словно призывали его поторопиться и определиться с будущим, и от этого ему было не по себе.

Но если я откажусь от своей мечты и спрошу себя, чем я хочу заниматься, то ничего другого я сейчас делать не хочу.

Придя к такому безнадежному факту, Масамити позволил своим мыслям блуждать в одиноком направлении.

Интересно, как все принимают решение о выборе профессии? Мог бы я обсудить это с другом, если бы он у меня был?

От этих мыслей у него закружилась голова, но не от боли, а от тяжести настроения. Масамити поглаживал поверхность любимых татами в гостиной и бормотал:

— Что же со мной будет?

Теперь, слегка наклонившись, он мог видеть другую сторону полуопущенного экрана. Продолжая разглядывать груды товаров, Масамити громко чихнул, нечаянно сняв полотенце.

Если в чайной комнате не будет убрано, мне придется бороться с аллергией, когда я буду в ней находиться.

Масамити подполз к концу чайной комнаты и огляделся.

Сино сказал что-то страшное: что у каждого предмета здесь есть душа и что если я буду непочтительным, то получу по заслугам.

Он решил, что это не проблема, если он не будет с ними плохо обращаться.

Уборка - это ведь не неуважение, верно? Думаю, все и каждый предмет будут рады чистоте.

Масамити взглянул на классические деревянные часы на стене и увидел, что уже половина четвертого.

Солнце медленно садилось, и земляной пол был освещен оранжевым светом западного солнца, проникающего через окно.

Сино еще не вернулся домой, а мне еще предстоит выяснить, смогу ли я без его разрешения воспользоваться кухней для приготовления ужина... Самое меньшее, что я могу сделать, - это аккуратно расставить вещи и навести порядок в грязной комнате. Да и Сино не повредит чистота на рабочем месте.

Масамити прикрыл нижнюю половину лица полотенцем и поднялся наверх за уборочным инвентарем.

Сначала он по одному перенес все предметы, находящиеся рядом с чайной комнатой, на край комнаты. Не решаясь ставить их прямо на циновки татами, он положил газетные листы и аккуратно разложил вещи сверху.

В некоторых местах вещи были навалены почти до потолка, и он воспользовался стремянкой, которую нашел в углу грязной комнаты. Чем тщательнее он все перебирал, тем больше времени уходило на уборку.

Масамити не мог остановить свои мысли, чтобы они не ходили по кругу, когда он бездумно работал пальцами, поэтому он продолжал работать на автопилоте.

В конце концов, поверхность пола была открыта, и, к его удивлению, это была не земля.

— Это кирпич! — удивленно воскликнул Масамити, но его слова прозвучали глухо под полотенцем.

Пол покрывали кирпичи разных цветов - от оранжевого до коричневого. Они выглядели обожженными вручную, в отличие от плотно спрессованных кирпичей современных зданий с острыми углами.

Поэтому они оставили только проход в качестве грунтового пола и обложили кирпичом пол, на котором разместили товары. Таким образом, вещи будут в целости и сохранности - не то чтобы они были чистыми.

Масамити, впечатленный, присел и похлопал по кирпичной поверхности.

Смахнув толстый слой пыли, Масамити ощутил кончиками пальцев прохладную твердую поверхность. Слегка шероховатый кирпич крепко держался на пыли.

Это были длинные, узкие кирпичи, которых Масамити никогда раньше не видел. Они имели классический вид, который был слишком красив, чтобы скрыть его от посторонних глаз.

— Я хочу освободить больше места, но сначала надо подмести здесь пол.

Чтобы разровнять груды вещей, ему понадобилось больше места, чем предполагалось. Ему пришлось разделить пространство на небольшие участки и убирать их по отдельности.

Это поднимет кучу пыли, но это лучше, чем ничего.

В одном из углов чайной комнаты стоял пылесос, но Масамити не знал, можно ли использовать его для уборки.

Оглядевшись по сторонам, он нашел метлу и совок под столом, на котором стоял кассовый аппарат.

С облегчением Масамити вытащил их и тут же понял, что внезапная уборка приведет к огромному количеству пыли. Если после уборки эта пыль упадет на вещи, он вернется к тому, с чего начал.

— Мама в такие моменты разбрасывала использованные чайные листья. Она говорила, что они впитают пыль. Но чайник здесь пустой.

Подумав, что лучше сначала протереть пол мокрой тряпкой, Масамити вернулся в чайную комнату, чтобы поискать ведро и тряпку.

Это случилось как раз в тот момент, когда он собирался забраться в чайную комнату - опять же на скорую руку, не пользуясь лестницей.

Масамити думал, что был очень осторожен. Но, к несчастью, подол его рубашки зацепился за руку куклы, стилизованной под девочку, которая стояла на краю чайной комнаты.

— Ах!

Масамити протянул руку, чтобы поймать куклу, но опоздал на мгновение. Движение его тела усугубило ситуацию, и кукла выпала из чайной комнаты и ударилась о кирпичный пол.

— Аaaaa!

К счастью, кукла была не керамической, а мягкой, с телом из смолы, в одежде из ткани.

Кукла не разбилась, но, будучи куклой, она выглядела так, будто ей было больно: она лежала лицом вверх после сильного удара затылком об пол.

— О боже, мне так жаль.

Масамити, наполовину поднявшись в чайную комнату, поспешил вернуться на земляной пол и извинился, потянувшись за куклой.

Но как только кончики пальцев коснулись куклы, он задохнулся и упал на пол. Его копчик врезался в твердый кирпич, и резкая боль пронзила позвоночник.

Внимание Масамити было настолько сосредоточено на правой руке, протянутой к кукле, что ему было не до боли...

Что это, черт возьми, было?

В правой руке Масамити, как раз перед тем как он схватил куклу, возникло ощущение, похожее на статическое электричество при прикосновении к дверной ручке зимой, только в сто, нет, в тысячу раз более сильное.

Кончики пальцев на правой руке Масамити все еще были онемевшими.

Но не только это удивило его.

В постепенно темнеющем магазине кукла на полу начала светиться бледно-голубым светом.

Это какое-то устройство? Интересно, если ее уронить, оно включится?

Масамити был склонен придумать разумное объяснение, но даже если бы кукла имела внутри какую-то электрическую установку, разве стало бы все ее тело излучать сильный свет, даже от ее прекрасного платья?

Не может быть. Этого не может быть. Но это должно означать...

Страх медленно закрадывался в сознание Масамити. В то же время к нему вернулись слова Сино.

— У каждого предмета, который вы здесь видите, есть душа. Будешь груб - понесешь заслуженное наказание.

Нет. Этого не может быть.

Масамити покачал головой.

Мне жаль, что из-за меня упала кукла, но я не хотел быть грубым.

Но пока Масамити оправдывался, свет от куклы становился все сильнее и сильнее... — Ты и со мной собираешься плохо обращаться?

Он услышал искаженный, высокий голос.

Хотя он не был громким, но напоминал женский голос. Или, возможно, хриплый тон пожилой женщины.

Масамити сглотнул. Казалось, что звук доносится прямо до его ушей или, скорее, до слуховой коры мозга.

Он медленно огляделся, но никого, кроме него самого, там не было.

Сомнений не было. Голос исходил от куклы.

Кукла... Неужели я ее разозлил? По-настоящему?

Масамити никогда не задумывался о том, что у какого-то предмета может быть душа. Мама всегда говорила ему, чтобы он берег свои вещи, иначе его постигнет божественное наказание, но то, что происходило сейчас, было совсем не похоже на то, что она имела в виду.

— Она милая. Папочка, я хочу ее.

— А?!

— Она так сильно хотела меня.

Кукла говорила. Затем она вдруг поднялась с пола.

Это было настолько резкое движение, что Масамити подумал, не управляет ли ею кто-то на невидимых нитях.

— Я ей больше не нужна. Сказала выбросить меня. Какой ужасный поступок. Просто ужасно.

— Что-что!

Дрожа от страха и не в силах подняться на ноги, Масамити умудрился опереться на руки и попытался сдвинуть бедра назад, чтобы оказаться как можно дальше от куклы.

Но, к сожалению, пространство вокруг него было крайне ограничено, и он тут же уперся спиной в очередную гору предметов, с которых еще не успел смахнуть пыль.

Если он продолжит отступать назад и уронит еще один предмет, то может разозлить и его.

Это была дикая идея, но она вызывала серьезные опасения у Масамити, ставшего объектом гнева куклы.

— Прости меня. Я не нарочно тебя уронил. Мне действительно жаль...

— Ты обещал, что я встречу кого-нибудь хорошего, если останусь здесь!

Кукла встала без единого звука, не слушая ни слова извинений Масамити, словно все еще управляемая невидимыми нитями.

Кукла, которая по своей конструкции никогда бы не смогла стоять самостоятельно, сделала шаг к Масамити, потом еще один, ее мягкое тело покачивалось вперед-назад, влево-вправо.

Из-под полотенца, которым Масамити по-прежнему прикрывал лицо, вырвался тоненький звук.

Его верхние и нижние зубы быстро клацнули, и все тело задрожало.

— Я... сказал, что мне жаль!

— Лжец. Предал меня. Ты обещал мне...

Последнее слово прозвучало как песня, а затем кукла подняла руки до уровня плеч.

Глаза, нарисованные на лице, уставились в расширенные от ужаса глаза Масамити... и тут же опустились. Глаза больше не были нарисованы. Вместо этого они представляли собой огромные черные шары, которые, казалось, были сформированы из сгущенной тьмы.

Этого не может быть! Вы, должно быть, шутите!

— Скрестив сердце, надеялась...

Кукла пела странный стих жутким голосом, медленно приближаясь к Масамити. Руки куклы были направлены на его глаза или шею?

Он не мог сказать, но в одном был уверен. Его мозг ясно ощущал враждебность, желание убить.

— У каждого предмета, который ты здесь видишь, есть душа.

Масамити понял, что Сино не преувеличивал и не приводил надуманных примеров.

Юноша не знал всей истории. Но из слов куклы он легко догадался, что она была принята в дом ребенка, но стала ненужной, когда ее хозяин вырос и выбросил ее.

Кукла, нашедшая покой в этом магазине, пробудилась, когда Масамити уронил ее, - с тем же яростным гневом, что и раньше. Это было единственным объяснением происходящего.

— Прости! Я не нарочно! — Масамити извинялся, полуплача, но кукла не реагировала на его голос.

Маленький острый рот смоляной куклы широко раскрылся перед ним.

— О... о боже!

Масамити был беспомощен, когда руки куклы наконец потянулись к его шее. От прикосновения кончиков пальцев, холоднее льда, Масамити тяжело задышал, как собака.

Как бы она ни двигалась и ни говорила, кукла была намного меньше Масамити, поэтому теоретически он должен был оттолкнуть ее, стряхнуть с себя и убежать. Но Масамити не мог сдвинуться с места ни на дюйм.

Его руки словно приклеились к полу, и как бы он ни старался, он не мог пошевелить и пальцем, а ноги бесполезно болтались, как у сломанной игрушки.

Не только страх приковывал Масамити к этому месту. Голубовато-белый свет, который излучала кукла, казалось, с огромной силой прижимал его тело к полу.

— ...надеялась умереть.

В конце концов кукла закончила петь медленным, тягучим тоном, и одновременно с этим ее руки сжались.

О нет. Это... очень плохо.

Маленькие руки с пугающей точностью сдавили дыхательное горло Масамити. Он отчаянно пытался дышать, но вдохнуть и выдохнуть становилось все труднее и труднее.

Я... умру. На этот раз я действительно умру!

Холод от рук куклы начал забирать тепло из тела Масамити.

Постепенно страх уходил, и вот уже конечности Масамити начали сводить судороги от недостатка кислорода.

Он хотел извиниться перед Сино. И перед своей семьей.

Это были последние мысли Масамити, когда его сознание начало угасать.

Затем он услышал, как открылась входная дверь.

Достойный голос пронзил его барабанные перепонки, так как от недостатка кислорода в ушах появился сильный звон.

— Стой!

Масамити понял, что это голос Сино, и кукла перестала сжимать его дыхательное горло.

Приближающиеся шаги прекратились, и большие руки схватили куклу и оторвали ее от горла Масамити.

Рука Масамити метнулась к горлу, и он с силой закашлялся, сумев взглянуть в лицо Сино.

Одетый в костюм, хотя и повседневный, Сино был окутан бледно-серебристым светом, как и кукла... Нет, совсем не как кукла.

В свете, который излучал Сино, не было ни враждебности, ни вредоносных намерений. Однако слабое напряжение в его теле заставило Масамити вздрогнуть.

— Сино, — как-то между кашлем сумел произнести Масамити, но взгляд Сино приказал ему замолчать, так как мужчина держал куклу на руках, как ребенка.

— Лжец, — сказала кукла Масамити, еще слабее, чем прежде.

Сино оглянулся и, должно быть, сразу понял, что пытался сделать Масамити.

— Понятно, — тихо сказал он.

Солнце полностью село, и единственное, что освещало местность, - это свет, излучаемый куклой и Сино, которого было достаточно, чтобы мужчина мог видеть.

Взяв куклу в одну руку, он прикрыл ей глаза ладонью, а затем прошептал, словно успокаивая избалованного ребенка.

— Это я дал тебе обещание. Не он. И он не причинял тебе вреда намеренно. Не будь с ним грубой.

— Но...

— Отдыхай здесь, и однажды твой новый хозяин придет за тобой, я обещаю. Так что спи. Оставь свой гнев со мной и спи спокойно.

По мере того как Сино нежно шептала, свет, исходивший от куклы, постепенно ослабевал.

Не успели ослабнуть руки, как свет полностью исчез.

— Хорошо.

Сино кивнул и убрал руку с лица куклы. Масамити не мог разглядеть, но лицо куклы снова стало двухмерным.

Сино щелкнул пальцами, поставив куклу на край чайной комнаты.

Тут же в чайной комнате и в комнате отдыха каким-то образом зажегся свет.

— Ух ты! О, эм, привет, Сино. Прости...

Масамити в шоке прижал руку к жгучей боли в горле, моргая от внезапной яркости.

— Ты по глупости проигнорировал мое предупреждение, да? — Сино сказал колючим тоном и кончиками пальцев ослабил галстук.

Масамити сгорбил плечи, но при этом восхитился уверенными движениями Сино.

— Мне очень жаль. Я делал уборку...

— Предметы, которые обретают душу, называются артефактными духами.

— Артефактные... духи?

— Вещи, которые прожили с людьми много лет и получили человеческую привязанность, иногда обретают душу. Это существа, которых принято называть богами - или, скорее, призраками.

— Бог...

— Это не те существа, с которыми человек вроде тебя может легко справиться. Ты должен был почувствовать это своими костями.

Кончиком своего начищенного кожаного ботинка Сино слегка пнул сандалию Масамити, которая упала на пол.

— Сколько раз за неделю ты должен быть близок к смерти?

— У меня нет ответа на этот вопрос... — слабо сказал Масамити и извинился. Затем он, как и кукла, упал спиной на грязный кирпич.

Наконец-то он смог вздохнуть свободно, но вставать ему придется еще долго.

— Дурак, — с легким презрением произнес Сино, глядя на Масамити своими миндалевидными глазами с несколько забавным блеском...

<http://bllate.org/book/13974/1228846>